

**ДАЛМАЦИЯ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

Представленное исследование сосредоточивает внимание на следующих проблемах: феномен Далмации V в. как позднеантичной провинции; показатели ее относительной автономности; самостоятельность политики ее правителей в ходе распада Западной Римской империи. На базе опубликованных археологических материалов делается вывод о возможностях относительно стабильного социально-экономического развития области. Эти возможности не были реализованы благодаря внешнеполитическим факторам. Первый из этих факторов – борьбы за Далмацию между Византией и Западной Римской империей. Второй фактор – угроза со стороны варваров, прежде всего – гуннов и вандалов. Поэтому политика таких правителей области, как Марцеллин объективно отражала интересы далматинцев, способствуя именно стабильности их положения.

Ключевые слова: Позднеантичная Далмация, позднеантичный Иллирик, падение Западной Римской империи, полководец Марцеллин.

Быстрое сокращение (начиная со второго десятилетия V в.) сферы влияния Западной Римской империи, внешне выраженное главным образом в возникновении варварских королевств и узурпаторских анклавов, было отражением территориально-государственного распада. Он, в свою очередь, вызывался деградацией базовых (полисно-гражданских) скреп античной цивилизации. Основные акты этой драмы, как известно, разыгрывались в Галлии, Испании, Северной Африке и Британии. В Италии волей крупных военачальников, пытавшихся хоть как-то спасти положение, один за другим сменялись императоры, зачастую – марионетки. Но в 60-е гг. V в. в этом мрачном калейдоскопе внезапно возникает фактор ранее вроде бы малозначимой Далмации, которая в лице ее независимого правителя, некоего Марцеллина, вмешалась в борьбу на стороне Западной империи. Так, по крайней мере, выглядит оценка далматинского феномена в подавляющем большинстве работ, составляющих историографию вопроса.

Вероятнее, однако, что указанный феномен не был исторической случайностью, спонтанной вспышкой на фоне глубоких сумерек позднеантичной цивилизации. Вспышка эта, скорее всего, имела исторические корни в специфике развития самой Далмации в рамках конкретных закономерностей эволюции Балкан и Адриатики IV–V вв.

Пребывая в качестве провинции в составе Римской империи, Далмация, как и в прежние века, в полной мере испытывала влияние ландшафта на свое развитие. Она состояла из двух принципиально разных географических частей: горных, малонаселенных, социально слабо развитых внутренних областей с немногими плодородными речными долинами [Zaninović, p. 796], и узкой прибрежной полосы, хотя и пересеченной, но с процветающими городами, восходящими к доимперским временам. Эти факторы, наряду с прочим, делавшие Далмацию не очень значимой для Рима в эпоху классической империи, обеспечили ей относительную безопасность в период бурных событий последней четверти IV в., поскольку периферийное положение на Балканах и скудость (для того времени) экономических ресурсов не делали провинцию привлекательной для узурпаторов и грабителей-варваров. Особенно это касалось прибрежной зоны, защищенной Динарскими Альпами и Кастельскими горами. Ряд важных сухопутных коммуникаций между Восточной и Западной частями империи, ставших актуальными после основания Константинополя, шли по северу Далмации, долинам Дравы и Савы, через Сердику и Сирмий, в то время как коммуникации в южном направлении от дунайской границы, к далматинскому побережью, какой-либо значимостью не обладали. Прибрежная зона естественно ориентировалась на Адриатику, обладая гаванями, обеспечивавшими эффективные каботажные маршруты в направлении Италии.

Будучи на крайнем западе префектуры Иллирик, оказавшейся на рубеже IV–V вв. спорной территорией в отношениях между Восточной и Западной империей, Далмация стала стратегически значимой в V в. В период тетрархий здесь правили цезари Востока, но после смерти Константина I провинция как часть Иллирика перешла Константу и управлялась президом, сидевшим в Салоне. По данным археологии, с III в. здесь происходило определенное снижение уровня материальной культуры и инфраструктуры, сокращение торговли, появились признаки кризиса в процессах урбанизации. Повсюду, кроме Салоны и ее хоры, резко сокращается число эпиграфических памятников [Wilkes, 1969, p. 417]. Однако горнорудная промышленность, вероятно, продолжала жить в IV–V вв. во внутренних районах страны.

Как известно, последняя четверть IV в. ознаменовалась для Балкан превращением варварского (прежде всего – готского) фактора из внешнего во внутримперский, что сопровождалось последствиями Адрианопольской битвы, разорением сельской местности, резким нарастанием угроз для городов. В ходе выступления группировки готов во главе с Аларихом в 395 г. пострадал и ряд далматинских центров, хотя масштаб этого ущерба нарративными источниками мог быть преувеличен [Claud., In. Ruf., II, v. 36–37; Heather, p. 225]. Но даже в этом случае постепенное обрушение дунайской границы с начала V в. имело серьезные последствия, в том числе и для Далмации. Параллельно продолжалась борьба между Западной и Восточной империей за контроль над частью территорий Иллирика, борьба, в которой особую активность проявлял Флавий Стилихон, фактический глава правительства Запада [Cameron, p. 59–62; Сиротенко, с. 45–48]. В Далмации именно в это время убывало население в лишенных укреплений полисах и городках. Некоторые представители высших сословий переезжали из Далмации в Италию [Cod. Theod. VI. 29.12]. Наоборот, беженцы из Паннонии и внутренних областей Далмации искали убежище в прибрежных центрах [Wilkes, 1969, p. 419; Wilkes, 1972, p. 378]. Однако, хотя группировка готов Алариха и поставила под свой контроль области вблизи Далмации [Sozom. IX. 4.2–4; Olymр., fr. 1; Zosim. V. 29] и претендовала на нее в рамках урегулирования отношений с Константинополем [Zosim. V. 48], до реализации таких претензий дело не дошло.

В 20-х гг. V в. группы варваров, расселенные на севере Далмации, оказались под влиянием гуннов, чьи удары, однако, пришлось по восточному побережью, а не по ее западному. Как известно, когда гуннская держава в середине 50-х гг. того же века распалась, в пространстве ее прежнего влияния на западе Балкан остались места расселения остготов, скиров, ругов, аланов и других мигрантов [Jord., Get. 265]. В этих условиях еще более выросла изоляция побережья; коммуникации от Адриатики до долины Савы перестали функционировать [Wilkes, 1969, p. 417], хотя прибрежные города, как и раньше, могли поддерживать связи с Италией и Константинополем по морю. Тем не менее, на рубеже 50–60-х гг. V в. над этими общинами нависла угроза пиратских налетов вандалов, завладевших римским флотом в портах Северной Африки, прежде всего в Карфагене. Для возможности существования гражданских общин далматинского побережья наступил решающий момент.

Самой важной из них была Салона, административный центр провинции и ее наиболее романизированный город. Процветание Салоны

базировалось на ремесле и торговле, у нее была удобная гавань и испытанная портовая инфраструктура. Город располагался в хорошо защищенном заливе на узкой, но плодородной прибрежной полосе. Со стороны суши город оберегали высокие горные хребты, через которые в четырех километрах к северу от Салоны шел проход, контролируемый крепостью Клис [Dyggve, p. 4]. В начале V в. стены города перестраивались, к ним были добавлены серьезные прямоугольные башни [Wilkes, 1969, p. 360]. Оборонительные работы, по данным археологии за последние тридцать лет, проводились в конце поздней античности и на островах вблизи Салоны.

Как известно, к 305 г. в Сплите, в трех милях от Салоны, император Диоклетиан построил дворец, где жил, после того как покинул престол. Сама Салона в IV в. была известна как государственный *thesaurus* (пункт хранения золота, серебра etc.), *baphium* (собрание красильных мастерских) и *fabrica* (оружейное предприятие) [Not. Dig., Ос. XI. 23, 66; IX. 22]. Наличие монетного двора в городе не доказано [Hendy, p. 405]. После того как рухнула граница на Дунае, в Салоне возник *gynaecium* (мастерские по производству одежды), ранее располагавшиеся в Бассиане, в провинции Паннония II (*Notitia Dignitatum* фиксирует *gynaecium* и в Сплите, но речь идет, скорее всего, об одном и том же предприятии) [Not. Dig., Ос. XI. 46, 48]. Изрядное число позднеантичных эпиграфических памятников и внушительных церковных храмов IV–VI вв. свидетельствует о процветании Салоны, являвшейся тогда солидным христианским центром [Wilkes, 1969, p. 233; Praga, p. 33], хотя инерция языческих культов здесь также присутствовала.

Рост значения Салоны был вызван не только упадком сухопутных коммуникаций между Западом и Востоком южнее Дуная и, соответственно, ростом важности морских путей. И не только ростом оборонного потенциала города. В начале V в. как императорская резиденция возвышается Равенна, с которой у Салоны были давние связи [Dyggve, p. 3]. Все это в совокупности поднимало стратегический рейтинг далматинской столицы. В 425–426 гг., после смерти западноримского императора Гонория, Салона оказалась в руках Константинополя [Philost. 12, 13–14; Olymp., fr. 43], который использовал ее как базу для своего флота, поддерживавшего кампанию по восстановлению на западном престоле Валентиниана III (по суше восточноримские легионы двинулись на Италию через Сирмию). Валентиниан и Галла Плацидия, его мать, перезимовали в городе, возможно, с этим связаны и усовершенствования в его оборонной функции, зафиксиро-

ванные надписью из *Porta Caesarea* [Wilkes, 1972, p. 389]. В 30-х гг. VI в. Салона стала стратегически важной точкой как для войск Юстиниана, так и для остготов, разместивших там свой гарнизон [Procor. BG. I. 5.2,11; 7.1–10, 26–37; 16.8–16].

Управляя Далмацией, упомянутый Марцеллин сделал своей резиденцией именно Салону, но, хотя его и называли Марцеллином из Салоны, ни один источник не раскрывает его связи с этим городом. Правда, географ Стефан Византийский, примыкая в этом к лексике историка V в. Приска Панийского, называет Салону полисом Далмации и выводит из названия этого полиса адъектив *Σαλωνεύς* [Blockley, p. 345]. Р. Блокли предположил связь данного адъектива в тексте Приска с упоминанием Марцеллина, но это не более чем предположение. Известно также, что племянник Марцеллина и его преемник в Далмации Юлий Непот проживал на вилле за пределами города, когда был убит в 480 г. [Marc. Comes, a. 480]. Скорее всего, эта вилла идентична дворцу Диоклетиана в Сплите; этот комплекс зданий был не только хорошо укреплен, но и престижен, поскольку наверняка обладал со времен тетрархии определенной символической значимостью. Согласно данным археологии, уже после Диоклетиана северная часть комплекса использовалась под мастерские и, возможно, казармы, в то время как южная оставалась жилой [Zaninović, p. 21]. Во всяком случае, в V в. комплекс не разрушался, а в VI в. служил местному населению убежищем во время вторжений славян [Wilkes, 1969, p. 71].

Относительно недавние археологические исследования в Сплите выявили немного материала V в., но подтвердили длительное использование отчасти измененных инфраструктурных объектов. Так, изображение Победы у западных ворот было заменено крестом, а храм напротив мавзолея и сам мавзолей были превращены в церкви и действовали до VII в. Видимо, в течение V в. мавзолей был цел, т. к. упомянут в одной поэме Аполлинария Сидония в настоящем времени [Sid. Apoll., Carm. XXIII. 497]. Капитель и арку на фронте прямоугольного храма, как и служебные постройки у восточных ворот, обычно относят к V в. [Zaninović, p. 21]. Существуют также несколько капителей и два фрагмента каменных саркофагов, напоминающих находки в Салоне, датируемые V–VI вв. [McNally, p. 251]. Скорее всего, к середине V в. относится демонтаж терм в восточной части комплекса [Ibid., p. 222]. Качественная керамическая посуда, согласно археологическим данным, непрерывно использовалась здесь в IV–V вв., но импортная керамика и стекло с начала V в. стали редкостью, хотя отдельные находки такого рода изделий отмечены до слоев середины

VII в. включительно [Diocletian's Palace, p. 52]. В определенных секторах комплекса были найдены несколько типов импортной керамики, главным образом африканские и финикийские грубовато выполненные изделия, в основном – краснолаковые светильники V в. [Ibid., p. 78–79, 97]. Большинство позднеантичных и раннесредневековых находок были сделаны в здании с мозаичным внутренним двориком в жилом секторе возле восточных ворот. Использовались эти изделия, вероятно, в период с начала V по VI в. [Ibid., p. 210–222; McNally, p. 11–12]. Другим сектором, где оказался в изобилии позднеантичный материал, был район мавзолея [Diocletian's Palace, p. 141].

Самые поздние из найденных здесь позднеантичных монет (в основном восточноримской чеканки) относятся ко времени императоров Гонория и Аркадия, хотя среди двадцати восьми неопознанных нуммусов не исключается наличие отчеканенных в середине – второй половине V в. [Clairmont, p. 135–142]. Активное хождение монеты в Далмации имело место в первые десятилетия V в., затем резко сократилось, и находки последних западноримских денежных знаков здесь нечасты. Даже на юге Балкан в целом монеты, вышедшие после 408 г., редки, находки приходится на небольшие районы, расположенные главным образом вдоль коридора Сисция – Сирмий – Сингидунум [Duncan, p. 58–59]; большинство опознаваемых монет V в. с юга Балкан отбито на монетных дворах Пропонтиды [Vasić, p. 183; Duncan, p. 72]. Хотя Марцеллин и был независимым правителем, но монеты от своего имени он, кажется, не чеканил. Ж. Лакам, а вслед за ним Ж. Демо предположили, что очень редкая группа tremisses Юлия Непота содержит монеты, отчеканенные в Салоне или в Сплите, с начала до его отъезда в Италию, а затем после его возвращения [Lacam, p. 596–607; Demo, p. 247–270]. Будь это так, то мы имели бы новые доказательства позднеантичного расцвета Салоны и уникального положения Непота и Марцеллина в политическом раскладе накануне исчезновения Западной империи. Но суждения Лакама и Демо неубедительны, ибо доказательств нет. Дж. П. К. Кент еще в 1966 г. привел ряд аргументов в пользу того, что эти монеты были отчеканены в Италии Одоакром [Kent, p. 146–150].

Характер римского военного присутствия в Далмации V в. оценить трудно. *Notitia Dignitatum* фиксирует подразделения, отведенные диоцезу Иллирик; именно для Далмации таких данных в источнике нет. Хотя Далмация, как и другие провинции Балкан, была стратегически важна, военное присутствие в ней при нормальных обстоятельствах было, скорее всего, минимальным. Для диоцеза Иллирик в целом вы-

делялись крупные войска – 22 подразделения *comitatenses* [Not. Dig., Ос. VII (Distributio Numerorum). 40–62] и 195 единиц *limitanei* [Ibid., Ос. XXXII. 22–68; XXXIII. 24–74; XXXIV. 14–55], хотя в V в. их, возможно, было меньше. Из этих 195 *numeri* 171 предназначалось для дунайской границы, так что для остальной территории диоцеза, включая Далмацию, оставалось 24 подразделения. Хотя дунайские речные подразделения источник называет, но о военно-морских силах в Салоне или в других гаванях Далмации речи не ведет. Раздел *Distributio* нашего источника называет комита Иллирика (под этой должностью перечисляются соответствующие *comitatenses*), в то время как комит Италии (без упоминания *officium* или боевых подразделений) композиционно присутствует в конкретных главах и индексе «Расписания». Возможно, как полагал А. Джонс, эти реалии источника отражают наличие между 395 г. и 20-ми гг. V в. двух разных командных структур [Jones, p. 1422–1423].

По Зосиму, около 409 г. командование, подобное упомянутому в *Notitia* для комита Иллирика, принадлежало магистру войск Генериду [Zosim. V. 46.3–5]. Зосим также сообщает, что в 409 г. император Гонорий отозвал из Далмации пять подразделений для защиты Рима; «эти подразделения включали шесть тысяч человек, являющихся главой римской армии благодаря своей смелости и силе. Руководил ими Валент, наиболее склонный ко всякому риску...» [Ibid. V. 45.1–2; ср.: PLRE. II, p. 1137]. На основании этого сообщения можно предположить, что речь идет о *comitatenses*, но поскольку Зосим специально указывает на далматинскую дислокацию подразделений, то вероятнее, что это были лимитаны (возможно, из Салоны, резиденции презида). Если же они являлись полевыми армейскими частями, то, возможно, они оказались в Далмации после общего отхода от границ Дуная и последующей перегруппировки в этой провинции. Есть также вероятность, что эти подразделения были не из Далмации, а являлись частью кавалерийских *cunei* (каждая из которых именовалась *cuneus equitum Dalmatarum*), которые *Notitia* фиксирует и на Западе и на Востоке (имя каждого из этих подразделений указывало либо на территорию комплектования, либо, возможно, на тип боевой единицы, но не на место дислокации) [Varady, p. 370–371]. В таком случае названные Зосимом части могли располагаться в Интерцизе, в Нижней Паннонии [Ibid., p. 391]. Л. Мюссе в свое время предположил, что часть бывшей дунайской армии, переведенная в Далмацию, как раз и стала основанием для власти Марцеллина [Musset, p. 23], но, как заметила П. МакДжордж, временной промежуток между этими событиями довольно велик [MacGeorge, p. 25].

Зосим не называет должность Валента, но если его подразделения были лимитанами, то он, вероятно, был *dux Dalmatiae*. Если же это войско было частью небольшой полевой армии, то ему мог принадлежать ранг *comes rei militaris* [PLRE. II, p. 1137]. Это дает основание для предположения, что этой должностью позднее обладал и Марцеллин. Иными словами, вполне вероятно, что в первом десятилетии V в. определенные боевые части в Далмации существовали, но в 20-е гг. (когда *Distributio* перечисляет комитов Иллирика) их там уже не было.

Конечно, вероятность пребывания в Далмации в начале V в. значимых войсковых соединений есть. В таком случае лимитаны могли располагаться в таких ключевых точках, как Салона, и в горнорудных районах. Хотя военно-политическая обстановка в империи этих десятилетий и запутана, но выглядит еще туманнее (исходя из уровня наших знаний) применительно к событиям последующих декад V в. Политическая ситуация ухудшалась, но Запад в лице Флавия Констанция и Аэция еще оказывался способен на эффективную борьбу. Восток же сохранял недюжинный потенциал, опираясь на социальные ресурсы позднеантичных полисов и митрокомий. Тем не менее, база для финансирования армий в прежних масштабах слабела, и к середине V в. в том же Иллирике вряд ли оставались какие-либо *comitatenses*. По данным жития Св. Северина Норикского, к 60-м гг. V в. на среднем Дунае постепенно исчезают и войска лимитанов [Eugirp. XX. 20.1]. Если учитывать складывание в Паннонии во второй четверти V в. центра гуннской державы, то меры по защите Далмации были бы логичны. Если Константинополь в это время уделял ей внимание, то, возможно, мог выделить войска для прибрежных центров, чтобы обеспечить морской маршрут в Италию. Трудно представить себе Аэция выполняющим эту задачу, ибо в 40-е – начале 50-х гг. он целиком был сосредоточен на делах в Галлии и на отражении гуннов, рвущихся к Орлеану, а затем в Италию. Далматинские города могли и самостоятельно подготовиться к обороне, как против нашествия гуннов с севера, так и против вандалов со стороны моря, набирая отряды из местного населения и нанимая варваров. Так или иначе, но после 424–425 гг. мы почти ничего не знаем о событиях в Далмации вплоть до появления в источниках (фиксирующих события 60-х гг. V в.) фигуры Марцеллина.

Для реконструкции деяний Марцеллина, начиная с 50-х гг. V в. и до его смерти в 468 г., прежде всего используют текст «Войны с вандалами» Прокопия Кесарийского. Большинство поступающих так историков считает Марцеллина офицером Западной империи, оказавшимся в Далмации в качестве назначенца Аэция, хотя в иных работах он

преподносится как друг и коллега Майориана. Всякое другое свидетельство о Марцеллине рассматривалось (хотя и в разной степени) в свете этих предположений. П. МакДжордж предложила иной подход, игнорируя на начальном этапе анализа информацию Прокопия, но сосредоточиваясь на других данных. Например, хотя многие считают Марцеллина назначенцем Запада, но Далмация тогда формально была в структуре Византии. Еще в 395 г. префектура Иллирик (Балканы и Паннония) была разделена между Аркадием и Гонорием, – мера, осуществленная императором Грацианом в целях военной целесообразности [Demougeot, 1947, p. 16–31; Palanque, p. 600–606], без учета политико-географических и социокультурных факторов. Западная часть стала диоцезом Иллирик (иногда ее именовали диоцезом Паннония), одним из трех диоцезов в составе префектуры Италия [Not. Dig., Ос. II. 31]. Он состоял из диоклетиановых провинций Далмация (она почти совпадала с древней исторической областью Иллирик), Норик *Ripense*, Норик *Mediterraneum*, Паннония I, Паннония II, Савия и Валерия.

Два диоцеца диоклетиановой префектуры Иллирик, Дакия и Македония (ранее – Мезия), отошли Константинополю [Ibid., Ос. III. 19]. Пока ситуация была стабильной, они входили в огромную префектуру Восток, но с изменением обстановки (в частности, когда на эти территории стала претендовать Западная империя) на Востоке возникла префектура Иллирик. Упомянутые претензии, прежде всего, относились к Дакии и Македонии [Zosim. V. 26.2]. Византия, в свою очередь, претендовала на территорию диоцеца Иллирик (включая Далмацию) на том основании, что прежней префектурой Иллирик в IV в. управляли восточные, а не западные власти [Demougeot, 1950, p. 87–92]. Здесь надо также учитывать гипотезу А. Камерона (построенную на скрупулезном анализе текстов Клавдиана и иных «пропагандистов» того времени), согласно которой император Феодосий I на смертном одре в 395 г. указал на принадлежность всего Иллирика Востоку, оговорив уступку западного Иллирика Западной империи (намеченную на 396 г.) только как временную акцию [Cameron, p. 60].

Два свидетельства дают основание полагать, что в 437 г. диоцез Иллирик формально переходил под контроль Константинополя. Кассиодор, имея в виду Галлу Плацидию, писал: «Известно, что империя, которой она правила, была позорным образом сокращена. Короче говоря, она купила себе невестку утратой Иллирика. Союз правителей был обеспечен прискорбным переделом провинций» [Cass., Var.

XI. 1.9]. Иордан лишен подобного пафоса: «Император Валентиниан отправился из Рима в Константинополь, чтобы взять в жены Евдоксию, дочь императора Феодосия, и, чтобы вознаградить своего тестя, уступил весь Иллирик» [Jord., Rom. 329]. Учитывая положение Кассиодора, его доступ к официальным архивам, трудно сомневаться в бесосновательности его сообщения. Источником Иордана, скорее всего, была утраченная «Готская история» того же Кассиодора или же какой-то независимый от нее источник, возможно, «История» Приска (которую он также использовал для написания своей «Гетики») [Croke, p. 91–109].

Есть и косвенные подтверждения сказанному. Во-первых, несколько раз при переговорах с варварами византийские императоры поступали так, как было бы уместно лишь при законном обладании территорией диоцеза Иллирик. Например, Маркиан (450–457 гг.) предоставил гепидам, гуннам, готам и другим племенам земли в Паннонии [Jord., Get. 263–265]. Во-вторых, Полемий Сильвий, западный автор, служивший при дворце, перечислил в 448 г. следующие провинции Иллирика: Далмация, Паннония I, Паннония II, Валерия, Превалис, Мизия, Эпир *Vetus*, Эпир *Nova*, Норик *Ripensis*, Норик *Mediterranea*, Савия, Дардания, Гемимонт, Дакия, Скития, остров Крит, Ахайя, Македония и Фессалия [Latercul., p. 257]. Т. Моммзен полагал, что Сильвий приводит для характеристики Иллирика более ранние и неточные данные [Mommsen, 1909, S. 657–667], но по фактологии этот список весьма корректен для описания византийской префектуры Иллирик 448 г., если принять, что диоцез Иллирик тогда был полностью слит с этой префектурой.

В-третьих, Аполлинарий Сидоний в 467 г. вложил в уста богини Ромы, обращающейся к восточной империи, следующие слова: «Я вижу, ты распространяешь свое правление на Иллирик и землю македонцев» [Sid. Apoll., Pan. II. 468–469]. При этом из стран под властью Запада поэт называл лишь Норик, Галлию и Сицилию [Ibid., 377–378]. В-четвертых, в декабре 437 г. епископам Иллирика было послано письмо папы Сикста, обеспокоенного состоянием римской юрисдикции над этой областью. Папа приказывал епископам подчиняться Анастасию Фессалоникийскому, подданному Рима, а не принимать во внимание декреты восточных соборов, за исключением тех вопросов вероучения, которые одобряет сам папа. Контекст письма неясен, – возможно, он был вызван беспорядком с границами духовной власти, порожденным в том году светской административной перестройкой [Sixtus, Ep. X. Ad Totius Illyrici Episcopos].

Обычно предполагают, что соглашение 424 г. по территориальному вопросу было оговорено тогда же при помолвке Валентиниана III и Евдоксии и вступило в силу после их венчания в 437 г. [Demougeot, 1988, p. 289–291]. Возможно, при заключении сделки играла роль не только нужда в помощи Феодосия II для восстановления на Западе власти законного императора, но и надежда, что в будущем сын новобрачных возглавит неразделенную империю [Oost, p. 245].

Свидетельства о пребывании Далмации середины V в. под рукой Запада приводит Прокопий. «Был в это время в Далмации некто Марцеллин, один из близких людей Аэция... Когда Аэций умер, ... он не считал нужным далее оказывать повиновение императору» [Procop. BV. I. 6.7]. Из этих слов следует, что накануне инсurreкции Марцеллина Далмация считалась подконтрольной императору Запада. В какой-то мере это подтверждает один политико-географический пассаж: «По ту сторону залива первыми являются греки, называемые апиротами, вплоть до города Эпидамна, который расположен у моря. С ними граничит область Прекамис, за ней та, которая называется Далмацией, и то, что причисляется к Восточной империи» [Procop. BG. I(V). 15.25–26]. В этом тексте Далмация четко отделяется от территорий, «причисляемых» к прерогативам Константинополя, но надо учитывать, что Прокопий фиксирует то состояние земель Западных Балкан, когда Далмация управлялась остготами.

Таким образом, приведенная информация Прокопия в известной мере противоречит выше приведенным сведениям о принадлежности территорий диоцеза Илирик прерогативе Константинополя после 428 г. Ф. Возняк попытался разрешить этот казус так: «Между 437 г., когда весь Илирик отошел Востоку, и 454 г., когда Салона и побережье Далмации выглядят возвращенными западноримскому административному контролю или оставленными под ним, тогда как формально они были под восточноримским суверенитетом... В то время как Далмацию формально уступили Востоку как часть общей передачи прав Западной империи на Илирик в 437 г., административный контроль над далматинским побережьем, кажется, остался в руках правительства Равенны. Хотя лишь иногда реализующийся, юридический суверенитет Константинополя над Далмацией был зарезервирован в качестве права возродиться в случае необходимости» [Wozniak, p. 354–355].

П. МакДжордж сомневается, что Византия заключала подобный договор, ибо он означал прекращение контроля над стратегически важной и относительно спокойной территорией, при сохранении за собой других провинций, имевших гораздо меньше преимуществ [MacGeorge, p. 38–39].

Другая гипотеза состоит в том, что Галла Пластидия оставила Востоку не диоцез Иллирик, а начавшиеся при Гонории притязания Запада на восточные провинции префектуры [Stein, 1914, S. 344–377; Stein, 1925, S. 354–358]. Однако это трудно совместить с четкими указаниями Кассиодора и Иордана на установление власти Константинополя над землями диоцеза. Феодосий II на переговорах имел более сильные позиции, нежели Галла Пластидия, а Константинополь уже многие десятилетия владел восточными провинциями Иллирика. Более вероятно то, что, вопреки информации Иордана, в 30-е гг. V в. Востоку уступили только часть диоцеза Иллирик. Тем не менее, остается неясным, что это была за часть.

Что касается соседнего Норика (часто управляемого совместно с Транспаданской Италией), то он оставался под контролем Запада. Например, Приск пишет о встрече западноримских послов, среди которых был Промот, управлявший Нориком в 449 г. [Prisc., exc. 8.75]. Остававшиеся в Норике *Ripensis* лимитаны ожидали в 60-е гг. V в. прихода жалования из Италии [Eugipp. XX. 20.1]. Но если говорить о случае безусловной передачи Западом определенной территории под власть Византии, то это пример Паннонии II, обладавшей стратегически важными для Константинополя долинами Дравы и Савы и имевшей в качестве столицы такой стратегический центр, как Сирмий (ныне – Сремска Митровица), расположенный на востоке провинции [Menand. 12.6; 25.1,2]. Любые части диоцеза Иллирик, оказавшись под контролем Константинополя, подлежали ведомству префекта претория Иллирика. В 441 г. в Сирмии находился префект Апремий, бежавший в Фессалонику, когда его резиденция оказалась под ударом гуннов [PLRE. II, p. 123].

К этому времени значительные территории диоцеза находились вне имперского контроля, хотя власти наверняка ожидали, особенно в 20-е гг. V в., что ситуация поменяется. На отдельных территориях Паннонии, Валерии и Савии уже с начала 70-х гг. IV в. седентаризировались группы аланов, готов, гуннов и, возможно, маркоманнов. С 20-х гг. V в. западную окраину региона стали тревожить новые орды гуннов.

Что касается Далмации, то Константинополь особенно был заинтересован в ее прибрежных стратегически важных центрах. Две официальные надписи из Салоны 414–415 гг. имеют даты, связанные с именами восточно-римских консулов, не признанных на Западе. Как уже говорилось, в 424–425 гг. город безусловно был под контролем Византии, но соглашение 425 г., скорее всего, лишь юридически за-

крепляло существующую ситуацию. Но безотносительно статуса Салоны в 50-е гг. V в. в Далмации в качестве независимого правителя утвердился Марцеллин.

Источники не содержат прямых указаний о его происхождении, положении и должности, которыми он обладал, оказавшись в Далмации. Историки, полагающие, что Марцеллин принадлежал к командному составу западно-римской армии, обычно приписывают ему должность комита (*rei militaris*), в соответствии с предполагаемым рангом войск в тогдашней Далмации, но прямых доказательств этому нет. Часто высказывается мнение, что при Майориане или Анфимии (или при том и другом) он мог обладать рангом магистра презентальных войск (*peditum* или *equitum*). Однако единственный воинский разряд, приписываемый ему в сохранившемся нарративе, это ранг *dux*, технически – предводителя войска лимитанов. Анонимный (скорее всего – испанский) автор *Consularia Constantinopolitana* пишет: «Великое войско под командованием дукса Марцеллина послано против вандалов» [Cons. Const., а. 468(a)]. Правда, возможно, что Марцеллин на тот момент был дуксом, до того как получить более высокий ранг. Хотя есть вероятность, что термин *dux* означает в этом источнике просто командира группы полевых войск, как этот термин употребляет и испанец Идаций [Barnwell, p. 39–40].

Весьма вероятным званием Марцеллина мог быть ранг *magister militum Dalmatiae*. Именно этим рангом после смерти Марцеллина обладал в Далмации Юлий Непот до того как стал императором. Ранг зафиксирован в одном постановлении 473 г. Кодекса Юстиниана в разделе, посвященном матримониальному праву, где речь идет о семейном споре относительно наследования [Cod. Just. VI. 61.5]. Это предполагает, что данная должность, хотя по происхождению своему и военная, занималась человеком, имевшим гражданскую и судебную власть. Примечательно также, что Непот обычно запрашивал у Константинополя указаний по управлению Далмацией посредством процедуры *suggestio*, т. е. доклада с предложением. Таким образом, Непот, даже будучи фактическим правителем, сохранял формальные отношения с византийским императором, признавая его высшей легитимной властью над Далмацией. Поскольку упомянутое постановление появилось примерно через пять лет после смерти Марцеллина, а Непот, фигура непримечательная, получил власть в Далмации благодаря своим отношениям с Марцеллином, то возможно, что первоначально оно было принято им, – вероятно, по аналогии с действиями других военных властей того времени как на Западе, так и на Востоке.

Присутствие этого постановления в Кодексе в данном случае свидетельствует, что оно, пусть даже фиксируемое временем Непота, было приемлемо для Константинополя.

Обычно полагают, что Марцеллин захватил власть в Далмации, воспользовавшись своим командованием дислоцированными там силами. Но если он возглавлял имперские войска во время своего удачного похода на Сицилию, это не значит, что они находились в провинции на постоянной основе [MacGeorge, p. 24–27]. Равенна вряд ли направила бы туда подобные подразделения в 50-е гг. V в., учитывая свое катастрофическое военное и финансовое положение. Мы ничего не знаем о войсках под командованием Марцеллина на момент его прихода к власти. Когда он наносил удар по Сицилии в 461 г., то под его началом были «скифы», т. е. либо гунны, либо какие-то иные варвары из-за Дуная [Blockley, p. 395, n. 147], оказавшиеся в его распоряжении либо до, либо после его прихода к власти.

Однако можно предположить, что Марцеллин не был офицером западно-римских вооруженных сил, а был выдвинут далматинской элитой. Можно спекулировать на тему его происхождения из местной фамилии, например, из Салоны, тем более что изоляция побережья работала на рост автономной власти здешней городской верхушки.

В этой связи очень важны сведения Дамасция, скомпилированные в Суде и в более кратком виде изложенные Фотием. В Суде читаем: «Марцеллин, приличный и благородный муж, властвовал над Далмацией, в Эпире, населенном иллирийцами; он был образован в римской культуре, очень сведущ в искусстве прорицания и ученым во всем. Он обладал свободной державой, не подвластной ни империи римлян, ни какому-либо другому правителю иных народов, но был независим, управляя подвластными по справедливости. Ему была присуща и достаточная рассудительность в управлении государством и удивительное мужество, проявляемое во время войны. Спутником его был философ Саллюстий» [Suda, μ 202 (= Damasc., fr. 158, 155, 159)]. Следует пояснить, что Саллюстий родился в Эмесе в первой четверти V в., где начал свои ученые занятия, продолженные затем в Александрии и Афинах. Приблизительно в конце 70-х гг. V в. он сопровождал из Афин в Александрию ученого Исидора [Damasc., fr. 138 (= Suda, σ. 62)]. Дамасций называет его киником и остроумным человеком [Damasc., fr. 159 (= Suda, μ 202); Damasc., fr. 147 (= Suda, σ. 63); Phot., Bibl. (Cod. 242) 89].

Суда, используя материал Дамасция, содержит еще два пассажа с упоминанием Марцеллина. Первый из них: «Войско, следующее за

Марцеллином, отличала высокая подготовка снаряжения» [Suda. П. 473 (= Damasc., fr. 156)]. Данное сообщение не согласуется с характеристикой, даваемой Приском этой армии: когда она была задействована в Сицилии, ее отряды, состоявшие из наемников, легко «перекупал» Рицимер [Prisc., exc. 29.1]. Но, возможно, Дамасций говорит о совершенно других подразделениях, например, о далматинских букеллариях Марцеллина. Второй пассаж гласит: «До такой степени вселила в них устойчивую надежду твердость Марцеллина в святых [для них] вопросах» [Suda. IV. 136.15 (= Damasc., fr. 157)]. Речь явно идет о позиции каких-то философов.

Фотий в своей «Библиотеке» приводит легенду о реакции Гейзерика на смерть Марцеллина: «Король карфагенян, услышав, что римляне предательски и вопреки своим клятвам покончили с Марцеллином, их союзником против него, воспламенился надеждами на свою победу и, как говорят, произнес слова, более подходящие для слуха римского императора, нежели карфагенянина; для него он сказал, что римляне отрезали свою правую руку вместе с левой. Марцеллин был независимым правителем Далмации и был эллином по своим верованиям» [Phot., Bibl. (Cod. 242) 91]. В оригинале источника Фотия этот пассаж мог находиться в главе, рассказывающей о Саллюстии. Ибо раздел 89 эпитомы освещает его философские взгляды, раздел 90 касается положительных качеств некой личности, проявляющихся в ее публичном поведении (возможно, здесь имелся в виду Марцеллин, герой следующего раздела, и если это так, то речь может идти о параллели его характеристики в Суде) [Phot., p. 27, n. 3]. Раздел 92 сообщает, как Саллюстий, «изучая глаза тех, кого встречал, имел обыкновение предсказывать насильственную смерть, ежели она случится с кем-то из них», и наконец, раздел 93 рассказывает о Саллюстии и Исидоре.

Информация Дамасция, Суды и Фотия подтверждает сообщение «Хроникона» комита Марцеллина, что интересующий нас правитель Далмации был язычником [MacG. Comes, a. 468]. П. МакДжордж предполагает, что он мог быть неоплатоником по взглядам, получив образование в Александрии или в Афинах; она рассуждает о возможном значении термина «спутник», характеризующего отношения Марцеллина и Саллюстия [MacGeorge, p. 44–45], но все это не сопровождается строгой аргументацией. Сообщение Суды и эпитомы Дамасция, выполненная Фотием, характеризуют Марцеллина как независимого правителя, что соответствует и данным Приска Панийского. Ссылка в эпитоме на «римского императора» может означать как императора Запада, так и василевса Востока, но так как Дамасций был византий-

цем, то приведенный термин (не имеющий в данном случае соответствующего уточнения) скорее всего подразумевал василевса. Но если это так, то, конечно, упомянутый Судой термин «какой-либо правитель иных народов» вполне мог относиться к Рицимеру, отражая не подчиненную каким-либо правилам природу его власти.

Информация Суды, связывающая Далмацию с Эпиром, озадачивает, особенно при предположении, что Марцеллин получил власть из рук императора Запада. Эпир входил в диоцез Македония и являлся органичной частью Византии. Казус источника мог быть ошибкой Дамасция или, что вероятнее, ошибкой редактора Суды, ибо известно, что многие из несообразностей в тексте Суды – результат сжатого изложения используемых ею документов [Lavagnini, p. 441–444]. Возможно также, что текст первоисточника фиксировал контроль Марцеллина над Далмацией до Эпидавра Иллирийского (ныне – Цават), который по ошибке переписчика превратился в Эпир, либо писцом были перепутаны Эпидавр и Эпидамн (Диррахий) [MacGeorge, p. 47, p. 180]. Есть, однако, хотя и слабая, вероятность того, что между Далмацией Марцеллина и Эпиром существовала связь, что и повлияло на текст Дамасция. Побережье Эпира, как и побережье Далмации, было стратегической зоной, важной для связей Константинополя с Западом. В 50-х гг. V в. на эту зону совершили налет вандалы, и Марцеллин мог, по соглашению с Византией, расширить свое влияние в южном направлении для прикрытия пролива Отранто [MacGeorge, p. 50].

Последующие события, связанные с именем Марцеллина, освещены в двух фрагментах сочинения Приска Панийского. Первый из них частично уже упоминался. «Гейзерик не сохранил заключенного с Майорианом договора. Он послал многочисленное, состоящее из вандалов и маврусиев войско для разорения Италии и Сицилии. Марцеллин еще прежде оставил этот остров, потому что Рицимер старался отвлечь от него войско и переманить к себе. Он подкупал бывших у Марцеллина скифов – а их было у него много – чтоб заставить их покинуть Марцеллина и перейти к нему. Марцеллин, уstraшенный кознями Рицимера и будучи не в состоянии состязаться с ним в богатстве, удалился из Сицилии. К Гейзеру отправлены были посольства, одно от Рицимера с увещанием, чтоб он не нарушал мирного договора, другое от властителя восточных римлян с требованием, чтоб он не беспокоил Италии и Сицилии и освободил царственных женщин» [Prisc., exc. 29.1–2. P. 67.7–19].

Договор Майориана и Гейзерика был заключен в 460 или начале 461 г. после поражения западно-римского флота [Hydat. 204 (209), a.

460; 205 (210), а. 461; ср.: MacGeorge, p. 208, n. 867]. Возобновление нападений вандалов, о которых пишет Приск, могло иметь место после августа 461 г., когда Майориан был убит, и упомянутый договор мог считаться недействительным. Но известие о смерти императора должно было прийти только к сроку начала осенних штормов, и весна 462 г. как время отправки флота в пиратский рейд – более реальный срок. Надо также учитывать, что Евдоксия и ее дочь Плацидия были возвращены Константинополю летом 462 г. [Hydat. 211 (217), а. 462], что заставляет датировать пребывание армии Марцеллина в Сицилии самое позднее началом 462 г. Вероятно, он покинул остров в 461 г.

Вряд ли в это время Марцеллин состоял на службе Равенне. Из текста Приска вовсе не вытекает, что полководец появился в Сицилии по распоряжению Майориана, что он сам решил вернуться в лоно Западной империи (оставленный, по Прокопию, на произвол судьбы после смерти Аэция), что он был назначен Равенной на должность *magister militum* [PLRE. II, p. 709; Burg, p. 333]. У Приска информация о Марцеллине следует за сообщением о Гейзерике, нарушившем договор с Майорианом, но никакого намека на связь между полководцем и императором нет, никакого основания для возможного пребывания Марцеллина в Сицилии до набега вандалов не названо. Причиной вывода Марцеллином своей армии с острова Приск называет нелояльность «скифов» по отношению к командиру, а не смерть Майориана. Единственные зацепки для предположения о защите Марцеллином интересов Майориана – это совпадение дат пребывания нашего героя в Сицилии, царствования Майориана, провала экспедиции западноримского флота против вандалов, а также факты причастности Рицимера к убийству Майориана и продажности наемников Марцеллина.

Наверное, более вероятно появление армии Марцеллина в Сицилии в силу некоего союза с Равенной. На такой альянс правитель Далмации мог пойти, например, в связи с ростом вандалской опасности на море и ее угрозой далматинскому побережью [MacGeorge, p. 49–50]. Здесь также могла присутствовать и определенная форма давления Византии на Гейзерика, чтобы тот возвратил Евдоксию и ее дочерей.

Другой фрагмент сочинения Приска гласит: «Западные римляне были в страхе, чтоб могущество Марцеллина не возросло и чтоб он не обратил на них оружия в то самое время, как дела их были запутаны: с одной стороны, беспокоила их сила вандалов, с другой Эгидий... По этой причине западные римляне отправили посольство к восточным и просили их о примирении их с Марцеллином и вандалами. Филарх,

отправленный к Марцеллину, убедил его не обращать оружия против римлян» [Prisc., ехс.30.1–2. Р. 68.7–10, 19–20].

Оба приведенных фрагмента сообщают о событиях, близких друг к другу по времени. Однако неясно, какова взаимосвязь этой информации в пределах текста утерянного оригинала. Видимо, описанное в ехс. 28 имело место ранее того, что зафиксировано в ехс. 30, и произошло в 462 г. События ехс. 30 имели место до 469 г., т. е. до смерти Эгидия. Вторая часть ехс. 30 (здесь она не приводится) говорит о Евдокии, на которой женат Гунерик, сын Гейзерика. Этот брак состоялся до возвращения ее матери и сестры в Византию в 462 г. Кроме того, известно, что в 463 г. Эгидий вел борьбу с готами в Галлии [Hydat. 214 (218), а. 463].

Упоминание страха римлян перед войском Марцеллина явно свидетельствует о пополнении им своей армии, ранее дезорганизованной интригами Рицимера. Последнее могло стать поводом для вторжения Марцеллина в Италию, что и объясняет обращение Равенны за дипломатической помощью в Константинополь, который, как было показано выше, реально на тот момент был сильнее связан с Далмацией. Характерно, что «правительство Италии» (представленное на тот момент именно Рицимером) не направляло послов к самому Марцеллину.

Приск называет Марцеллина и Эгидия угрозами для западных римлян. Но неясно, была ли связь между этими угрозами. Возможно, оба полководца одинаково были враждебны к Рицимеру, но доказательств их сотрудничества нет. Известно, что в 464–465 гг. Эгидий вел переговоры с вандалами, возможно, даже согласовывал позиции соглашения с Гейзериком [MacGeorge, р. 94]; Марцеллин в том году воевал с вандалами в Сицилии [Hydat. 220 (224), а. 464–465; 223 (227), а. 464–465].

Информация ехс. 28 о пребывании Марцеллина в Сицилии подтверждается Идацием: «Вандалы, которых в Сицилии разбил Марцеллин, бежали оттуда» [Ibid., 223 (227), а. 464–465]. Пассаж говорит о событиях, датируемых в его труде 464–465 гг. Возможно, речь идет о кампании, о которой пишет Приск, и тогда дата Идация не верна [Courtois, р. 23–54]. Но почему не предположить, что далматинцы провели на острове две кампании, первую – в 461 г., а вторую, более успешную, в 464–465 гг.? Но тогда почему Марцеллин вернулся в Сицилию после неудач 461 г.? Это не могло произойти по воле Равенны, т. к. там заправлял Рицимер. Возможно, причиной была просьба со стороны императора Византии [PLRE. II, р. 709]. Отсюда посольство

Филарха к Марцеллину, возможно, подкрепленное посылкой судов и людских ресурсов. Но маловероятно, что это была персональная помощь марионетке Рицимера, императору Либию Северу, которого Византия не признавала.

И первая (предположительная) и вторая (явная) кампании Марцеллина в Сицилии вряд ли были нацелены на помощь Равенне. Для Далмации было важно лимитировать угрозу вандалов с моря, которая бы многократно возросла при их закреплении в Сицилии и Южной Италии. О налетах вандалов на Далмацию сообщают Прокопий и Виктор Витенский, а Баальбекский оракул (начало VI в.) по этому поводу вообще впадает в пафос: «...и из Африки возникнет мятежник по имени Гейзерик, и пленит он Рим ... и Далмация будет целиком погружена в море, Кампания и Калабрия будут захвачены» [Procop. *ВV*. III. 5.22–25; Oracle. 133]. Сицилия вполне могла быть базой для подобных рейдов. Ключом для безопасности Адриатики в этом случае становился пролив Отранто. Набег вандалов на побережье Пелопоннеса (попытка взять Тенар) и на остров Закинф (к югу от Корфу) [Procop. *ВV*. III. 22.16–18] мог быть для Марцеллина мотивом для попыток взять Отранто под свой контроль.

Джеральд Макс предположил, что на тот момент Марцеллин играл важную роль в отношениях между императором Львом I и императором Майорианом [Max, p. 232–237], искавшим помощи Византии в борьбе с Гейзериком. Аргументы предложены следующие. «Кампания по набору рекрутов», предпринятая Равенной в Придунавье вблизи Далмации, могла пробудить активность Марцеллина, пошедшего на некое соглашение с Майорианом, достигнутое, возможно, через Льва. Дело в том, что Лев приостановил платежи остготам Теодориха Амала, которые «в ответ вторглись на ряд территорий, в том числе и на контролируемые Марцеллином, после чего продвинулись вдоль берега Адриатики к Диррахию в Новом Эпире». В 464–465 гг., когда Лев возобновил платежи, Марцеллин вел в Сицилии «войну с вандалами от имени Льва»; отсюда «почти неизбежен вывод, что слабость позиций Льва и возобновление дани... могли мотивировать Марцеллина действовать в любом желательном ему направлении». Возможно, Лев изобразил частичное признание им Майориана как императора, продемонстрировав некую гарантию помощи в лице Марцеллина, и вторичное появление Марцеллина в Сицилии было связано с посольством Равенны в Византию.

Весьма логично связывать далматинский десант в Сицилии с кем-то из двух императоров, а то и с обоими сразу, дипломатические ка-

налы существовали, а Лев должен был иметь влияние на Марцеллина. Но и в этом случае роль остготов в данной комбинации весьма сомнительна. К тому же нет свидетельств вербовки Майорианом войск в Придунавье; предположение Макса основано на списке варваров его армии, представленном Сидонием (списке, полном архаичных этниконов), причем армии, явно находившейся в Италии [MacGeorge, p. 205]. В любом случае, Дунай весьма далек от Далмации. Утверждение, что остготы появились на территориях, подвластных Марцеллину, вообще странно. Конечно, есть дополнение к «Хронике» Проспера Тирона, найденное в единственной рукописной версии, где говорится, что в 455 г. Валамер вступил в Диррахий [Auct. Prosp. ad ed. a. 455], факт, не подтверждаемый иными источниками.

Марцеллин, скорее всего, вернулся в Далмацию после кампании 464–465 гг., и в следующие года мог посетить Константинополь, ища помощи Византии. Во всяком случае, он контактировал каким-то образом с Львом I, так как в 467 г., по Идацию, он уже в составе византийской экспедиции, направляющейся в Италию для того чтобы посадить на трон в Равенне восточноримского ставленника Анфимия: «Направленный из Константинополя Львом Августом Анфимий, брат Прокопия, вместе с Марцеллином и другими мужами, избранными комитами, в сопровождении огромного, многочисленного войска волей Божьей достигает Италии» [Hydat. 230 (234), a. 465–466]. Анфимий наверняка плыл из Константинополя, и Марцеллин, очевидно, тоже. В этом случае действия нашего героя переплетаются с официальной политикой Византии, хотя из формулировок Идация неясно, был ли Марцеллин одним из комитов Анфимия. Также неясно, насколько это коррелируется с его положением независимого главы Далмации, хотя не исключено, что к данному моменту уже было очевидно, что без поддержки Византии обойтись Далмации непросто (тяжелая борьба с вандалами, враждебность Ричимера, ненадежность наемников из Подунавья).

Надо учитывать, наверное, в этом вопросе и репутацию Анфимия. В 60-е гг. V в. он вел в Иллирике кампанию против остготов, стал известен благодаря каким-то действиям в районе Сердики [Sid. Apoll., Pan. I. 224–226, 232–235, 236–242, 269–280]. Согласно сведениям Дамасция, он сочувствовал воззрениям и интересам язычников; Мессий Феб Север, римлянин-язычник, изучавший философию в Александрии и вернувшийся в Рим в 467–469 гг., стал при Анфимии консулом 470 г. и префектом города [PLRE. II, p. 1005]. Дамасций пишет: «Анфимий, который был императором Рима, придерживался языче-

ских взглядов и разделял мысли Севера, преданного идолам, которого он назначил консулом; у этих двоих был секретный план восстановить скверну идолов» [Phot., Bibl. (Cod. 242) 108]. Но Дамасций – единственный, кто говорит о проязыческих симпатиях Анфимия, т. к. термин *Graeculus*, употребленный по отношению к нему в сочинении Эннодия, не имеет «языческой нагрузки» [Ennod., Vita Eriph. 54]. Анфимий вышел из христианской семьи, заложил в Константинополе церковь Св. Фомы [Chron. Pasch., а. 454, 468]; Сидоний в своем панегирике умалчивает о религиозных взглядах императора Анфимия, но подчеркивает его знания древней и современной философии [Sid. Apoll., Pan. II. 156 sq.]. Классические познания Анфимия и его возможная склонность к неоплатонизму легко могли восприниматься как язычество, особенно на Западе, тем более что он терпел деятельность в Риме христианских еретических сект и языческие празднества типа луперкалий [Gelas. Advers. Andromachum, col. 113]. То, что император Лев I остановил свой выбор на нем, вряд ли говорит об Анфимии как о публичном язычнике. Во всяком случае «Хронография» Феофана и Никифор Каллист характеризуют его как набожного христианина [Theoph. 5957; Niceph., col. 604].

В упомянутом панегирике Сидоний описывает Анфимия на борту одного из судов стоявшего в Геллеспонте флота [Sid. Apoll., Pan. II. 505–507]. Но связывать этот корабль с неким далматинским флотом нельзя, хотя некоторые специалисты и говорят, что причиной независимости Марцеллина было обладание флотом. *Notitia Dignitatum* не называет никаких военно-морских подразделений Далмации, и маловероятно создание такого флота после 20-х гг. V в., когда этот документ был скомпилирован. В начале V в. из флотилий Адриатики мы знаем *classis* в Равенне, часть которого стояла в гавани Аквилеи [Not. Dig., Ос. XLII. 7.4; Veget. IV. 31; Zosim. VI. 8.2], а потому маловероятно, чтобы Марцеллин унаследовал какие-то серьезные римские военно-морские силы. Отсюда вывод – флот, который доставил Анфимия и Марцеллина в Италию, был, скорее всего, византийским, как и тот, который атаковал вандалов в 468 г. Основное доказательство наличия у Марцеллина кораблей – его кампании в Сицилии, но они свидетельствуют лишь о возможности доставки на остров из Далмации определенного числа войск. Эти суда могли быть построены или приобретены у коммерциариев Салоны и других центров побережья. Однако стать гарантией военного преобладания на Адриатике они вряд ли могли.

То, что Марцеллин сопровождал Анфимия в Италию, говорит о его достаточно высоком ранге в византийской иерархии. Учитывая пред-

ыдущие события в Сицилии, встреча между ним и Рицимером, фактическим главой Западной империи, должна была быть интересной, хотя политический контакт между заклятыми врагами в те времена не являлся чем-то особенным и вполне мог быть корректным. Тем более что Марцеллин, по некоторым сведениям, вскоре получил ранг патрикия [Marc. Comes, a. 468; Jord., Get. 239], что выглядит попыткой противопоставить его Рицимеру, ставшему патрикием еще в 457 г. Однако ряд специалистов сомневается в даровании Марцеллину столь высокого титула. Так, А. Демандт полагает, что «Хроникон» комита Марцеллина ошибочно приписал нашему герою титул, которым владел Рицимер [Demandt, Sp. 685–687]. Существует также мнение, что в случае получения такого титула Марцеллином, Рицимер вынужден был бы лишиться патрициата [Piccotti, p. 3–80; O'Flynn, p. 189, n. 59]. Р. Матисен отмечает, что в то время на Западе право на титул патриция имели только лица, получившие должность *magister militum* [Mathisen, p. 193–194]. А. А. Чекалова также склоняется к мнению, что тогда в Западной империи патрицием был, как правило, один, обычно ведущий, военачальник, – обстоятельство, связанное с особой напряженностью военно-политической ситуации [Чекалова, с. 115, прим. 106]. Из того что известно о Рицимере, также крайне сомнительно его расставание с патрициатом.

По Идацию, в 466 г., т. е. сразу после прибытия Анфимия в Италию, из-за неблагоприятных погодных условий была отозвана экспедиция в Африку против вандалов [Hydat. 232 (236), a. 466–467]. Хронист не называет инициатора экспедиции, но руководство ею Марцеллином было бы в той обстановке естественным. Если это так, то сообщение «Консулярий» («Против вандалов направляется огромное войско с дуксом Марцеллином») [Cons. Const., a. 468(a)] касается именно операции 466 г., а не 468 г.

В 468 г. состоялась масштабная экспедиция. Идаций пишет: «Легаты, посланные к императору, докладывают, что в их присутствии императором Львом против вандалов была отправлена весьма многочисленная армия с тремя избранными дуксами и что Марцеллин с огромным союзным войском также был направлен к ней императором Анфимием; Рицимер же был сделан зятем императора Анфимия и патрикием» [Hydat. 241 (247), a. 468]. Комит Марцеллин сообщает: «Марцеллин, патриций Запада и язычник, дал средства и вспомогательные войска римлянам, сражавшимся против вандалов в Карфагене» [Marc. Comes, a. 468]. Таким образом, из обоих источников не вытекает, что Марцеллин командовал регулярными войсками Запада, т. к. Идаций

называет подчиненные ему силы *sociata*, а комит Марцеллин – *auxilia*. В этом случае между ним и Анфимием имели место не отношения соподчинения, а лишь определенные договоренности. Это логично, поскольку во главе войск, подчиненных Равенне, стоял Рицимер.

Более подробные сведения об экспедиции у Приска и Прокопия, который в данном случае активно использует текст Приска. По их мнению, в экспедиции было задействовано сто тысяч человек, цифра явно нереальная [Procop. BV. I. 6.1; Prisc., exc. 42. P. 79.4]. Кедрин пишет о 113 кораблях [Cedr., p. 613], а Феодор Лектор – о 7 тыс. воинах [Theod. I. 25]. Как известно, во главе экспедиции Лев I поставил Василиска, своего шурина. Другим командующим стал Ираклий, направленный в Триполис (Ливия). Марцеллин, таким образом, являлся третьим из руководителей кампании. По Прокопию, Лев «привлек его на свою сторону и поручил ему напасть на Сардинию, находившуюся под властью вандалов» [Procop. BV. I. 6.8]. Пассаж, на первый взгляд, странный, ибо Марцеллин недавно сопровождал Анфимия из Византии в Италию, скорее всего, именно по договоренности с Константинополем. Но если исходить из самостоятельности политического поведения нашего героя, его опоры на известные автономные войска и его альянса на тот момент с Анфимием, то заигрывание с ним Льва (о чем без обиняков пишет Прокопий) становится понятным. Операции, проведенные Марцеллином и Ираклием, были успешными, но непрофессиональные действия Василиска привели к катастрофе. Умело затянув с ним переговоры, Гейзерик соответствующе подготовил свои силы и брандерами уничтожил многие корабли врага [Ibid. I. 6.10–24]. Остатки экспедиции вынуждены были ретироваться.

Рассказывая о судьбе руководителей злосчастного похода, Прокопий констатирует возвращение домой Ираклия, ярко повествует о приключениях Василиска, а о Марцеллине сообщает: «Марцеллин же был коварно убит одним из своих сотоварищей» [Ibid. I. 6.25]. О том же пишет Приск [Prisc., fr. 76. P. 107.10–11]. Поскольку оба употребляют термин *πρὸς τοῦ τῶν συναρχόντων ... δόλω*, то ясно, что речь идет о коварстве одного из коллег нашего героя по руководству кампанией. Комит Марцеллин пишет о гибели своего тезки так: «его губят козни тех, за кого он открыто пришел воевать» [Marc. Comes, a. 468]. Некоторые авторы кратких латиноязычных хроник тоже не проходят мимо гибели Марцеллина, но, как правило, ограничиваются ее констатацией, ничего не говоря о кознях соратников; при этом ошибочно отмечается, что произошло это в Сицилии [Fasti Vind. Prior., a. 468; Pasch. Camp., a. 468; Cass., Chron. 1285, a. 468]. Идаций не сооб-

щает ни о смерти Марцеллина, ни о неудаче экспедиции, т. к. его труд обрывается именно на 468 г. Дамасций в уже упомянутом выше пассаже, в отличие от западных хронистов, пишет, что смерть Марцеллина стала результатом интриг и предательства со стороны римлян и означала нарушение клятв. Под последними вполне могли пониматься взаимные клятвы если не в дружбе, то в «ненападении», которые явно могли дать друг другу Рицимер и Марцеллин по прибытии последнего в Италию (практика, обычная в те времена для ситуаций такого рода). Если это так, то резонно подозревать Рицимера в организации убийства соперника, но из-за скудости информации в источниках это будет чистой спекуляцией. Интересен вариант подобных спекуляций, сохранившийся в одной из эпитом в «Библиотеке» Фотия. Там констатация смерти Марцеллина предваряет анекдот о реакции на нее Гейзерика, почти дословно напоминающую «его реакцию» на гибель Аэция [MacGeorge, p. 43–44].

Однако для большинства приведенных сообщений характерна тенденция, в историографии пока что неотмеченная: упорное противопоставление Марцеллина «римлянам», причем явно не в цивилизационно-культурном аспекте, а в аспекте военно-политическом. Марцеллин в войне с вандалами – лишь союзник римлян, которого задабривает Лев I и который вряд ли был подчиненным Анфимия. Феномен автономной Далмации продолжает просматриваться и в этом случае.

Правителем Далмации стал племянник Марцеллина Юлий Непот. Как это произошло, мы не знаем. Известно, что он был в тесных отношениях с семьей Льва I (женится на племяннице императрицы Верины). В 474 г. Лев I дал ему титул патрикия и отправил в Италию занять императорский престол. Там он вынудил своего предшественника, Гликерия, уйти в епископы, но когда несколько месяцев спустя против него выступил патриций Орест, бежал в Равенну, а оттуда морем удалился в Салону [Enßlin, Sp. 2505,50 ff.].

Примечательно, что Гликерий стал епископом Салоны [Ioann. Ant., fr. 301. P. 508.25–27; Jord., Get. 241; Wilkes, 1969, p. 431]. О церкви в Далмации того времени известно мало, но есть сведения, что в 90-х гг. V в., как вытекает из писем папы Геласия епископу Салоны Гонорию, ее сотрясали ереси, а отношения ее с папским престолом были непростыми, ибо Салона в религиозных вопросах, как правило, следовала в V в. Константинополю [Gelas., Ep. V, VI; Wilkes, 1969, p. 433].

О политике Юлия Непота в Далмации почти ничего не известно. Но следует учитывать, что в период 468–474 гг., до того как стать императором, он получил звание *magister militum Dalmatiae* [Cod. Just.

VI. 61.5^a], возможно, как инерцию авторитета его дяди [PLRE. II, p. 777]. Его правление в Далмации (после бегства из Италии) длилось пять лет, и все это время Византия признавала его легитимным императором Запада. Известно его посольство в Константинополь с просьбой о помощи в реставрации его власти в Равенне: «В те же самые дни в Византию прибыли... и вестники от Непота с поздравлениями Зенону. Они притом просили... помочь ему в возвращении царства, дать ему денег и войско и всеми мерами, какие понадобятся, содействовать к восстановлению его» [Malch., fr. 14]. За хлопотами о подобных планах Непот и был убит в мае 480 г. «Император Непот, когда правил Далмацией и пытался подтвердить взятую им ранее верховную власть, погиб в десятые календы июля, пронзенный непредвиденными ударами своих людей» [Auct. Naun. ordo prior, a. 480]. Комит Марцеллин пишет, что убийство произошло «на его вилле около Салоны», что указывает, скорее всего, на упомянутый нами не раз дворец Диоклетиана; кроме того, автор «Хроникона» называет инициаторов заговора – «комитов Виатора и Овиду» [Marc. Comes, a. 480]. Малх связывает с заговором Гликерия, все еще пребывавшего на кафедре епископа Салоны [см.: Phot., Bibl. (Cod. 78)].

Овида, возможно гот, правил в Далмации несколько месяцев, но неизвестно, с каким титулом. В 481 или 482 г. он был разгромлен и убит Одоакром, использовавшим гибель Непота как предлог для вторжения [Auct. Naun. ordo prior, a. 482]. После смерти Непота Далмация формально должна была вернуться под управление Константинополя. Реально ею до 489 г. управлял Одоакр – с молчаливого согласия Византии, т. к. он признавал над собой власть Зенона. В этом случае весьма вероятно, что Далмация не стала частью префектуры Италия [Mommsen, 1910, S. 444]. Когда в 493 г. власть Одоакра падет, Далмация реально окажется под контролем остготов, вероятно, переданная Зеноном Теодориху в 504 г. Остготы, скорее всего, сохранили здесь, особенно на побережье, позднеримские локальные управленческие структуры, особенно фискальные [Wilkes, 1969, p. 423–427; Wozniak, p. 365–366]. Весьма вероятно, что продолжала функционировать и горнорудная промышленность в далматинской глубинке [Cass., Var. III. 25]. Иными словами, жизнь должна была идти примерно в том же русле, как это было при Марцеллине.

Таким образом, каких-либо признаков средневекового характера в Далмации V в. обнаружить не удастся. Провинция оставалась позднеантичной, но с определенными поправками на наличие в ней автономной авторитарной власти, особенно ярко проявившейся при Марцел-

лине. С этой властью пришлось считаться даже Византии, не говоря о слабейших правителях Западной Римской империи. Вмешательство Марцеллина в процесс поддержки Запада диктовался, однако, скорее всего не имперскими, а локальными интересами Далмации. Такая политика также лежала в русле позднеантичных норм.

Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. Пермь, 1975.

Чекалова А. А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя: IV – первая половина VII в. М., 2010.

Auct. Naun. ordo prior – Auctarii Nauniensis ordines prior, posterior et ordinis posterioris margo (Consularia Italica) / ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1892. T. 9. Chronica Minora, I. P. 298–339.

Auct. Prosp. ad ed. a. 455 – Auctarium ad Prosperi Epitomae Vaticanae (ad ed. a. 455) / ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1892. T. 9. Chronica Minora, I. P. 491–493.

Barnwell P. S. Emperor, Prefects and Kings: the Roman West, 395–565. L., 1992.

Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. 2. Liverpool, 1983.

Bury J. B. A History of the Later Roman Empire, from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. Vol. 2. L., 1923.

Cameron A. D. Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxf., 1970.

Cass., Chron. – Cassiodori Chronica ad a. 519 / ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1894. T. 11. P. 109–161.

Cass., Var. – Cassiodori Variarum / ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1865. T. 12. P. 1–385.

Cedr. – Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae Compendium historiarum / ope ab I. Bekkero. Vol. 1. Bonnae, 1838.

Chron. Pasch. – Chronicon Paschale / rec. L. Dindorfius. Vol. 1. Bonnae, 1832.

Clairmont C. W., Auth S. H., von Gonzenbach V. Excavations at Salona, Yugoslavia, 1969–1972. Park Ridge, N. J., 1975.

Claud., In Ruf. – Claudii Claudiani in Rufinum // Claudii Claudiani carmina / ed. J. B. Hall. Lipsiae, 1985.

Cod. Just. – Codex Justinianus. (Corpus Iuris Civilis / ed. P. Krueger. T. 2). Berolini, 1954.

Cod. Theod. – The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions / ed. and trans. by C. Pharr. Princeton, N. J., 1952.

Cons. Const. – Burgess R. W. The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana: Two Contemporary Accounts of the Final Years of the Roman Empire. (Oxford Classical Monographs). Oxf., 1993.

Courtois C. Les Vandales et l'Afrique. P., 1955.

Croke B. AD 476: the Manufacture of a Turning Point // Chiron. 1983. Nr. 13. P. 81–119.

- Damasc. – Damascii Vitae Isidori Reliquiae / ed. C. Zintzen. Hildesheim, 1967.
- Demandt A.* Magister Militum // Pauly – Wissowa – Kroll. Real-Enciklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1970. Suppl. Bd. 12. Sp. 553–790.
- Demo Ž.* The Mint in Salona: Nepos and Ovida (474–481/2) // *Studia Numismatica Labacensia Alexandro Jeločnik Oblata* (= Situla, 26) / ed. P. Kos, Ž. Demo. Ljubljana, 1988. P. 247–267.
- Demougeot É.* À propos des partages de l'Illyricum en 386–395 // *Actes du Vie Congrès International des Études Byzantines* (Paris, 1948). P., 1950. Pt. 1. P. 87–92.
- Demougeot É.* L'évolution politique de Galla Placidia // *Demougeot É. L'Empire romain et les Barbares d'Occident* (IVe – VIIe siècles). Scripta varia. P., 1988. P. 273–300.
- Demougeot É.* Les partages de l'Illyricum à la fin du IVe siècle // *Revue historique*. 1947. Nr. 3. P. 16–31.
- Diocletian's Palace: Site Reports of the American-Yugoslavian Joint Excavations / ed. by S. McNally, J. Marasovič, T. Marasovič. Vol. 1. Split, 1972.
- Duncan G. L.* Coin Circulation in the Danubian and Balkan Provinces of the Roman Empire, AD 294–578. L., 1993. (Royal Numismatic Society Special Publication, nr. 26).
- Dyggve E.* History of Salonitan Christianity. Oslo, 1951. (Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Serie A: Forelesninger, XXI).
- Ennod. – Ennodii Vita Beatissimi Epiphani Episcopi Ticinensis Ecclesiae / ed. F. Vogel // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Berolini, 1885. T. 7. P. 84–109.
- Enßlin W.* Nepos 6 // Pauly – Wissowa – Kroll. Real-Enciklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1935. Bd. 16. HbD. 32. Sp. 2505–2511.
- Eugipp. – Eugippii Vita Sancti Severini / ed. H. Sauppe // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Berolini, 1877. T. 1(2). P. 7–30.
- Fasti Vind. Prior. – Fasti Vindobonensis Priores (Consularia Italica) / ed. Th. Mommsen // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Berolini, 1892. T. 9. Chronica Minora, I. P. 274–336.
- Gelas. – Gelasius Papa. Epistolae et decreta // Migne J. P. *Patrologiae cursus completus. Series latina*. P., 1844. Vol. 59. Col. 13–140.
- Heather P.* The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians. Oxf., 2006.
- Hendy M. F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450. Camb., 1985.
- Hydat. – Hydatii Lemici continuation chronicorum Hieronymianorum / ed. T. Mommsen // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi*. Berolini, 1894. T. 9. Vol. 2. Fasc. 1. Chronica Minora, II. P. 1–36.
- Ioann. Ant. – Ioannis Antiocheni Fragmenta ex Historia Chronica / introd., ed. critica e trad. U. Roberto. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Bd. 154). Berlin ; N. Y., 2005.
- Jones A. H.* The Later Roman Empire, 284–602: a Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 2. Oxf., 1964.

Jord., Get. – Jordanis de origine actibus getarum (Getica) / ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1882. T. 5. Pars. 1. P. 53–138.

Jord., Rom. – Jordanis de summa temporum vel origine actibus gentis romanorum (Romana) / ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1882. T. 5. Pars. 1. P. 1–52.

Kent J. P. Julius Nepos and the Fall of the Western Empire // Corolla Memoriae Erich Swoboda Dedicata. Graz; Cologne, 1966. P. 146–150.

Lacam G. La Fin de l'empire romain et le monnayage or en Italie 455–493. Vol. 1–2. Lucerne, 1983.

Latercul. – Laterculus Polemii Silvii / ed. O. Seeck // Notitia Dignitatum. Berlin, 1876. P. 254–260.

Lavagnini B. Suida, Suda o Guida // Rivista di filologia e di istruzione classica. 1962. Nr. 40. P. 441–444.

MacGeorge P. Late Roman Warlords. Oxf., 2003.

McNally S. Diocletian's Palace: Split in the Middle Ages // Archaeology. 1975. Nr. 28. P. 248–259.

Malch. – Malcni Philadelphensis Fragmenta / ed. C. Müller // Fragmenta Historicorum Graecorum. P., 1851. Vol. 4. P. 111–132.

Marc. Comes – Marcellini comitis Chronicon / ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1894. T. 11. Vol. 2. Fasc. 1. Chronica Minora, II. P. 60–104.

Mathisen R. W. Leo, Anthemius, Zeno and Extraordinary Senatorial Status in the Late Fifth Century // Byzantinische Forschungen. 1991. Bd. 17. P. 191–222.

Max G. E. Political Intrigue during the Reigns of the Western Roman Emperors Avitus and Majorian // Historia. 1979. Nr. 28. P. 225–237.

Menand. – Menander Protector. Historikon syngramma / ed. and trans. with notes by R. C. Blockley as The History of Menander the Guardsman. Liverpool, 1985. (Classical and Medieval Texts, Papers and Monographs, nr. 17).

Mommsen Th. Ostgotische Studien (1889) // Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Berlin, 1910. Bd. 6. S. 362–485.

Mommsen Th. Polemii Silvii Laterculus (1857) // Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Berlin, 1909. Bd. 7. S. 633–667.

Musset L. Les invasions: les vagues germaniques. P., 1965. (Nouvelle Clío, nr. 12).

Niceph. – Nicephori Callisti Xanthopuli Ecclesiasticæ historiae libri XVIII // Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series latina. Vol. 145. P., 1865.

Not. Dig. – Notitia Dignitatum / ed. O. Seeck. Berlin, 1876.

O'Flynn J. M. Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton, 1983.

Olymp. – Olympiodori Thebaei Fragmenta / ed. C. Müller // Fragmenta Historicorum Graecorum. P., 1851. Vol. 4. P. 57–68.

Oost S. I. Galla Placidia Augusta: a Biographical Essay. L., 1969.

Oracle – Oracle of Baalbek: the Tiburtine Sibyl in Greek Dress / ed. by P. J. Alexander. (Dumbarton Oaks studies, nr. 10). Washington, 1967.

Palanque J.-R. Du nouveau sur la préfecture d'Illyricum au IVe siècle // Hommages à Marcel Renard, II. Bruxelles, 1969. (Collection Latomus, nr. 102). P. 600–606.

- Pasch. Camp. – Paschale Campanum (Consularia Italica) / ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Berolini, 1892. T. 9. Chronica Minora, II. P. 305–334.
- Philost. – Philostorgius. Kirchengeschichte / ed. J. Bidez, F. Winkelmann. Berlin, 1972. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhundert, XXI).
- Phot. – Photius. Bibliotheca / ed. and trans. R. Henry. T. 1. P., 1959.
- Piccotti G. B. Il 'Patricius' nell' ultima eta imperiale e nei primi regni barbarici d'Italia // Archivio storico italiano. Ser. 7. 1928. P. 3–80.
- PLRE.II – Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambr., 1980.
- Praga G. History of Dalmatia. Pisa, 1963.
- Prisc. – Priscus Panita. Excerpta et fragmenta / ed. P. Carolla. Berolini ; Novi Eboraci, 2008. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- Procop. BG – De Bello Gothico // Procopii Caesariensis Opera Omnia / rec. J. Haury, G. Wirth. Vol. 2. Lipsiae, 1963.
- Procop. BV – De Bello Vandalico // Procopii Caesariensis Opera Omnia / rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962. Vol. 1. P. 305–552.
- Sid. Apoll. – Sidonii Apollinaris Carmina / ed. C. Leutjohann // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. T. 8. Berolini, 1887.
- Sixtus – Sixtus III Papa. Epistolae et Decreta // Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series latina. P., 1844. T. 1. Col. 581–618.
- Sozom. – Sozomenus Hermias. Kirchengeschichte / Hrsg. von I. Bidez, G. Ch. Hansen. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte. Bd. 50). Berlin, 1960.
- Stein E. Untersuchungen zur spätrömischen Verwaltungsgeschichte // Rheinisches Museum. 1925. Nr. 74. S. 347–394.
- Stein E. Der Verzicht der Galla Placidia auf die Präфекtur Illyricum // Wiener Studien. 1914. Bd. 36. S. 344–347.
- Suda – Suidae Lexicon / ed. A. Adler. Pt. 1–5. Lipsiae, 1928–38.
- Theod. – Theodoros Anagnostus. Kirchengeschichte / Hrsg. G. C. Hansen. Berlin, 1995.
- Theoph. – Theophanis Chronographia / rec. C. de Boor. Vol. 1. Lipsiae, 1883.
- Varady L. New Evidence on Some Problems of Late Roman Military Organisation // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1961. Nr. 9. P. 333–396.
- Vasić M. The Circulation of Bronze Coinage at the End of the Fourth and Beginning of the Fifth Centuries in Moesia Prima and Pannonia Secunda // Studia Numismatica Labacensia Alexandro Jeločnik Oblata / ed. P. Kos, Ž. Demo (= Situla, 26). Ljubljana, 1988. P. 165–184.
- Veget. – Flavi Vegeti Renati tpitoma rei militaris / ed. K. Lang. Lipsiae, 1967.
- Wilkes J. J. Dalmatia. L., 1969.
- Wilkes J. J. A Pannonian Refugee of Quality at Salona // Phoenix. 1972. Nr. 26. P. 377–393.
- Wozniak F. E. East Rome, Ravenna and Illyricum 454–536 AD // Historia. 1981. Nr. 30. P. 351–382.

Zaninović M. The Economy of Dalmatia // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (Principat). Reihe 2. Berlin; N. Y., 1977. Bd. 6. P. 767– 809.

Zosim. – Zosime Histoire nouvelle / texte établi et traduit par F. Paschoud. P., 1986. T. 3.1 (Livre 5); 1989. T. 3.2 (Livre 6).

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Древ-
него мира и Средних веков
Уральский федеральный уни-
верситет
620000 Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: alarich@olympus.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), Associate Professor
of the Ancient and Medieval
History Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave., 620000
Ekaterinburg, Russia
E-mail: alarich@olympus.ru

**DALMATIA ON THE EVE
OF THE WESTERN ROMAN EMPIRE COLLAPSE**

The presented research is focused on the following problems: the phenomenon of the 5th century Dalmatia as a late ancient province; indicators of its relative autonomy; the independent policy of its governors during disintegration of the Western Roman Empire. On the basis of the published archaeological materials, it is concluded that a stable social and economic development of the region was possible. That possibility, however, was not implemented due to certain foreign policy factors. The first factor was the struggle for Dalmatia between Byzantium and the Western Roman Empire. The second factor was the threat from barbarians, first of all, the Huns and Vandals. Therefore, the policy of such local governors as Marcellinus objectively reflected the interests of the Dalmatians, promoting stability of their position.

Keywords: Late Antique Dalmatia, late antique Illyricum, the Western Roman Empire Collapse, Commander Marcellinus.